

не исчезло совсем, все же вытесняется беспокойной, вибрирующей линией. Эта динамичная, дрожащая, дробная линия уже сама по себе вносит в изображение оттенок лихорадочной возбужденности. Все здесь фигура, одежды, бегло намеченный склон холма, деревья охвачено трепетом. Но этого мало. Для того чтобы создать впечатление экстаза и подчеркнуть значение совершаемого евангелистом действия, художник не останавливается перед преувеличением. Широко открытые глаза Матфея выкатываются из орбит, лежащие на книге пальцы непомерно вытягиваются.

Тем же беспокойным духом, что и миниатюры Евангелия Эбо, пронизаны иллюстрации самого выдающегося памятника каролингской миниатюры Утрехтской псалтыри (Утрехт, Библиотека Университета, IX в.) (илл. 19). Среди рукописей реймской школы она занимает особое место. В ней нет живописных миниатюр. Иллюстрации ее представляют собой беглые перовые рисунки без рамок, расположенные на одной странице с текстом. Сюжеты их разнообразны и необычны, здесь можно видеть и небо, и землю, и ад, на каждом шагу обыденное переплетается с чудесным. Эта пестрота объясняется своеобразным принципом иллюстрирования текста. Поскольку псалмы и молитвы не имеют связного сюжета, который можно было бы изобразить, мотивом для иллюстраций служат здесь отдельные метафоры или слова, вызывающие какие-либо ассоциации у художника. Такая буквальная интерпретация текста, когда каждая метафора является предлогом для конкретного образа, приводит к обилию неожиданных в религиозной книге реальных мотивов. Так, например, если в тексте встречается слово „сон“,